

Иерусалим

В это время подошли к нему фарисеи и сказали: „Уходи отсюда и постарайся скрыться: Ирод хочет тебя убить!“ Он ответил: Передайте этой лисе, что изгонять бесов и исцелять больных я буду сегодня, и завтра, и на третий день, пока не достигну цели. Продолжать свой путь я должен и сегодня, и завтра, и на следующий день, ибо только в Иерусалиме подобает погибнуть пророку» (Лк 13:31–33).

Литургия при вхождении паломников в Иерусалим (Пс 118:25–26 / син. пер. 1Ш5-26);

Жители Иерусалима: «О Господи, помоги (хошианна)!»

Паломники: «О Господи, пошли удачу!» Жители Иерусалима: «Благословен входящий во имя Его»

Паломники: «Благословляем вас из Дома Господня!»

Для Ирода Антипы Иисус — это обезглавленный им Креститель, который воскрес из мертвых. Потому-то Ирод и замыслил убийство Иисуса. Стало быть, Иисус знал об угрожавшей ему опасности (небо, с высоты которого раздавался божественный голос, было отнюдь не безоблачным). Но он умрет не здесь, на Галилейском озере, где он возвещал о Царстве Небесном, а в Иерусалиме, который убивает пророков и побивает камнями тех, кто послан к нему (Лк 13:34). Впрочем, для путешествия в Иерусалим был другой повод: близился праздник Пасхи, во время которого евреи обычно совершали паломничество в святой город, чтобы принести там в жертву барашка и отпраздновать освобождение из египетского рабства. В этот раз Иисусу в особенности хотелось есть Пасху в Иерусалиме со своими учениками (Лк 22:15). Так для него началась дорога страданий.

Когда они были уже неподалеку от Иерусалима, Иисус послал двух учеников за ослом, на котором он и въехал в город. Как только он появился в столице, его встретили криками «Осанна!» и словами псалма (118:26 / син. пер. 117:26): «Благословен входящий во имя Господа!» В те времена эти слова пелись в дни праздничного паломничества; ими же встречали идущих в Иерусалим пилигримов^[184]. Что же касается расстилаемой на пути Иисуса одежды^[185], это была, вероятно, особая почать, которой удостоился пророк из Галилеи (Мф 21:11). Иисус вошел в город, посетил Храм и затем ушел в Вифанию, деревушку в окрестностях Иерусалима. Там, в

кругу друзей, он проводил свои последние ночи^[186]. Днем он ходил в город и учил в Храме. Начальство при Храме поинтересовалось, какие у него на это полномочия; он ответил вопросом на вопрос. И я вам задам один вопрос: Кре щение Иоанна было от Неба или от людей? Ответьте! Этот вопрос привел их в замешательство: саддукейское начальство при Храме не любило Крестителя и поэтому щс хотело признавать, что Иоанн уполномочен Небом. Не отваживались они и сказать во всеуслышание, что право крестить Иоанн получил от людей, так как боялись народа, в глазах которого Иоанн был пророком Божьим. *Не знаем» — вот и все, что они могли сказать. Тогда Иисус им ответил: Вот и я не скажу вам, по какому праву так поступаю. И продолжал действовать по-прежнему (ср. Мк 11:27–33).

Этой стычкой открывается ряд столкновений Иисуса с культовой иерархией, в которых он, действуя вполне осознанно, привлекает на свою сторону ненавидевшие первосвященников массы. Его негодование — негодование пророка — было подлинным. Однако чего же он добивался? Рассчитывал ли он с божественной или человеческой помощью выполнить свою миссию, оставшись при этом в живых? Или он понимал, что должен умереть смертью пророка? Согласно древнему рассказу, первый выпад Иисус делает сразу же после разговора об Иоанновом крещении: в притче о злых виноградарях (Мк 12:1-12) он говорит о своей будущей смерти от рук первосвященников и предвещает их собственную гибель. «Они поняли, что притча направлена против них, и хотели было схватить его, но побоялись народа».

Итак, Иисус ежедневно проповедовал в Храме, а первосвященники обдумывали, как бы с ним покончить; однако действовать открыто они опасались, поскольку «весь

народ» находился под сильным влиянием Иисуса^[187]. Однажды, когда люди восхищались Храмом («Какие камни, какие здания!»), он сказал: Придет время, когда от всего, что вы видите, не останется камня на камне. Все будет разрушено! (ср. Лк 21:5–6). И действительно, через сорок лет Храм был сожжен римлянами. Невыносимый гнет Рима породил повстанческое движение и терроризм «ревностных», а Иерусалимский Храм был оплотом ненавистных саддукеев, сотрудничавших с Римом. Всеобщая неприязнь выразилась в пророчествах, в которых многие ясновидцы предсказывали разрушение Храма. Так, в [62 г]., в Праздник Шалашей (Суккот), Иешуа, сын Анании, простой крестьянин, был в Храме охвачен Духом и внезапно начал выкрикивать проклятия, в которых предрекалось разрушение Храма. Потом, словно одержимый, он день и ночь бродил по иерусалимским улицам, повторяя грозные слова. Саддукейское начальство доставило его к римскому наместнику Альбину, и тот приказал бить его плетьюми. И хотя это бичевание продолжалось, пока у несчастного не выступили кости, Иешуа только повторял свое ужасающее пророчество. Тогда наместник понял, что этот человек не в своем уме, и отпустил его^[188].

Тому, что творилось в Храме, Иисус противодействовал не только словами, но и действиями. Как часто бывает у священных мест, около Иерусалимского Храма в то время процветала бойкая торговля. Столы менял и скамейки продавцов голубей у святого места вызвали негодование не только у Иисуса^[189]. Лишь после смерти Иисуса книжники приняли определенные меры — и торговля, необходимая для совершения жертвоприношений, была вынесена за территорию Храма. Но в то время, когда Храм посещал Иисус, решение еще не было найдено.) *Войдя в Храм, он начал выгонять торговцев, говоря им: В Писании сказано^[190]: „Дом Мой будет домом молитвы“, а вы превратили его в разбойничье логово»^[191](рр. Лк 19:45–46). Версия Луки определенно воспроизводит древний рассказ. Марк (11:15–17) расширяет рассказ деталями, о которых он знает понаслышке. Вопрос о том, действительно ли Иисус опрокинул столы каких-нибудь торговцев, остается открытым. Матфей (21:12–13) пересказывает Марка, однако попытку Иисуса прогнать торговцев он превращает в совершившееся действие. Иоанн (2:13–17) переносит событие в начало деятельности Иисуса; он усиливает эту сцену, добавляя в нее большее число конкретных деталей и гиперболизируя некоторые ее элементы. Согласно Иоанну, Иисус при этом также сказал: Я разрушу этот рукотворный Храм и в три дня вострою другой, нерукотворный (Ин 2:18, 19; Мк 14:58; ср. Мф 26:61). Лишь у Марка (14:57–59) принадлежность этих слов Иисусу отрицается.

Если Иисус и в самом деле говорил, что разрушит Храм и снова его воздвигнет, то его слова не были для Кайафы всего лишь бессмысленной фантазией. В пророчестве Захарии (6:12): «Человек, чье имя Побег... построит Храм Господень» слово «Побег» (= «Отрасль») всеми понималось как обозначение Мессии. Если бы Иисус сказал буквально то, что ему приписывают, то для его слушателей это было бы притязанием на мессианское достоинство и вопрос первосвященника: «Скажи, ты и в самом деле Мессия?»^[192], был бы вполне уместен.

Первоначальная форма логики была, по-видимому, иной: «три дня» здесь обусловлены убеждением, что Иисус воскрес на третий день. Однако эти слова, должно быть, и на самом деле были произнесены от первого лица, как их передают евангелисты. В духе творцов еврейской апокалиптической литературы^[193] Иисус говорил от имени Бога^[194]: существующий Храм будет разрушен и вместо него рукой Бога будет сооружен другой. Таким образом, эта логика относится к пророчествам о разрушении Храма. Еще при расставании с Галилеей Иисус, сожалея о судьбе Иерусалима, говорил: И вот ваш Дом оставлен (Лк 13:35). Собственно, он и в Иерусалим был послан, чтобы объявить об этом. Потому-то и состоялась демонстративная акция изгнания торговцев из Храма, а слова о Храме, очевидно сказанные во время этого эпизода, стали апогеем его пророческой миссии в Иерусалиме. Эта акция и повлекла за собой катастрофу. Храм был последним прибежищем всеми презираемого саддукейского священства, а галилейский пророк в этом Храме во всеуслышание, перед собравшимся на праздник народом, предсказал не только гибель священства,

но и разрушение Храма. К тому же, разгневанный фактом торговли на святом месте, он вмешался в финансовые дела Храма. Как мы видели, тридцать лет спустя саддукейское начальство Храма выдало римскому наместнику Иешуа, сына Анании, который также пророчествовал о конце Храма. Римляне ревностно заботились об охране культовых учреждений на территории империи. Стало быть, в их задачу входило и избавлять первосвященников от назойливых возмутителей спокойствия.

По древнему рассказу, Иисус только начал удалять торговцев из Храма, однако довести свой замысел до конца он, по всей видимости, не смог. Мы не знаем, сколь многие торговцы подчинились его распоряжению; нам также ничего не известно о том, как отнеслись к действиям Иисуса присутствовавшие паломники. Пожалуй, можно не сомневаться, что в конце концов вмешалась храмовая стража. Можно предполагать, что «очищение Храма» произошло незадолго до ареста Иисуса, избежать которого на этот раз ему не удалось.

Согласно трем первым евангелиям, которым мы здесь следуем, последний ужин (Тайная вечеря) был пасхальной трапезой. Значит, накануне Иисус принес в жертву пасхального барашка. Поскольку существовало предписание съедать зажаренного барашка в самом городе, Иисус в последнюю ночь не пошел в Вифанию, а остался в Иерусалиме^[195]. Предание не сохранило имени хозяина дома, это и понятно: в то время паломников повсюду охотно и безвозмездно принимали. Когда настал вечер, он возлег за стол с двенадцатью учениками и сказал им: Как мне хотелось есть эту Пасху вместе с вами до моей смерти^[196]. Говорю вам, я не буду есть ее, пока не будут есть новую Пасху^[197] в Царстве Божьем. Взяв чашу с вином и произнеся над ней благодарственную молитву, он сказал: Возьмите и разделите ее между собой. Говорю вам, отныне я не буду пить от плода виноградной лозы, пока не смогу пить новое вино в Царстве Божьем^[198]. Взяв хлеб и произнеся над ним благодарственную молитву, он сказал: Это мое тело^[199].

Итак, катастрофа была, по-видимому, неотвратимой. Иисус не скрывал этого от учеников: когда он говорил над преломляемым хлебом: Это мое тело, он намекал на свою мученическую смерть. Он предвидел, что все его ученики отступятся от него и разбегутся (Мк 14:27 и пар). А когда Петр выразил готовность умереть вместе со своим Наставником, Иисус ответил: Говорю тебе, Петр, еще не прокричит сегодня петух, как ты трижды скажешь, что не знаешь меня (Лк 22:33–34) За праздничной трапезой, на которую уже упала тень смерти, он сказал: Рука того, кто предает меня, на одном столе с моей! (Лк 22:21). Угадал ли он предателя? Несколько раньше, вероятно, после столкновения в Храме, один из Двенадцати — Иуда Искариот — пошел к первосвященникам, чтобы выдать им Иисуса; они же обещали дать Иуде деньги (Мк 14:10–11). Почему он так поступил, мы не знаем. А то, что рассказывается о его смерти, противоречиво. Скорее всего после предательства он скрылся, так как в те

времена нашлось бы достаточно людей, которые жестоко бы отомстили за выдачу еврея римлянам.

Начатый уже евангелистами процесс приукрашивания легендарными деталями рассказа о предательстве Иуды продолжался в средневековом христианском предании, которое к тому же Иуду Искариота приравнило Иуде (= племени Иуды), т. е. иудеям. Этот процесс, однако, не может служить поводом для того, чтобы полностью отрицать историческое ядро этой истории, а именно то, что один из учеников Иисуса перешел на сторону врагов и оказал им определенную услугу. Евангелист Лука свидетельствует в пользу того, что в основе этой легенды лежит историческое ядро. В Деян 1:15–16 Петр в обычных для того времени выражениях говорит о жутком конце предателя, ставшего на сторону противников Бога. При этом Лука сообщает о возникшей необходимости выбрать нового апостола, чтобы сохранилось их первоначальное число — двенадцать. Выбор падает на Матфия. Нет никаких оснований причислять этот факт к разряду вымыслов.

После праздничной трапезы, спев хвалебный гимн, Иисус и ученики удалились из города на расположенную неподалеку Масличную гору. И пришли они на земельный участок под названием «Гефсимания», и он просил учеников оставаться там и не спать. И, немного отойдя, он пал на землю и стал молиться: Отец! Если можно, да минует меня эта чаша! Но пусть будет не так, как я хочу, а как Ты. И подошел он к ученикам и застал их спящими и сказал им: Что вы спите? Вставайте, молитесь, чтобы, вам выдержать испытание^[200]. Дух действует, а плоть слаба (ср. Лк 22:39–46). Чуть было не предал он голос, возвестивший ему об избрании и о его божественном сыновстве. Ему явилось искушение бежать в ночной тьме из Гефсимании, где-нибудь скрыться и вести тихую жизнь в безвестности. Он поборол это искушение, подчинившись воле Небесного Отца. И теперь он должен выпить чашу, которая, как он раньше догадывался, ему предназначена.

Но вот появилась храмовая стража, а по Иоанну (18:3), и римская когорта, и с ними Иуда Искариот, который, приблизившись к Иисусу, поцеловал его, чтобы охранники смогли опознать его в темноте. То, что в этом приветствии заключалось коварство, становится очевидным из реакции Иисуса: Иуда, ты выдаешь Сына Человеческого [или просто: человека] поцелуем? (Лк 22:48). Кто-то взмахнул мечом и отсек ухо слуге первосвященника, но Иисус сказал: Хватит, прекратите! А пришедшим за ним сказал: Разве я разбойник, что вы пришли за мной с мечами и кольями? Каждый день я был у вас в Храме, и вы не трогали меня. И все, покинув его, убежали, а Иисуса отвели к первосвященнику (ср. Лк 22:47–53; Мк 14:50 и пар).